

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 3 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 21 (401)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 6 долларов; на ½ г. — 3 доллара, на ¼ г. — 1.5 долл. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

17 Ноября 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: К сталинскому плебисциту.

Ф. Дан. Фашистский или социалистический мир?

А. Югов. Предпосылки построения социализма в России.

Ю. Осокин. Мир призраков.

В. Александрова. «Конфликт героя с эпохой».

40-летие Бунда.

Заграницей: К годовщине Мадридской обороны. — Совет французской социалистической партии.

По России: Первые недели избирательной кампании.

К сталинскому плебисциту

Так называемая избирательная кампания ведется сталинцами со все возрастающим напряжением. Ею заполняются почти сплошь столбцы советской печати, и лишь небольшие уголки газетных простынь отводятся еще сообщениям о событиях колоссального значения, которыми так богата как раз за последнее время мировая и советская жизнь.

В хронике избирательной кампании и в посвященных ей статьях много говорится о небывалом энтузиазме и политическом подъеме, с какими трудящийся советский народ проводит эту кампанию. На самом деле не энтузиазмом и не подъемом, а лишь непроходимой скукой веет от бесконечной вереницы резолюций, к которым сводятся все отчеты об избирательных собраниях и которые с утомительным однообразием и с почти незаметными вариантами воспроизводят все тот же десяток явно предписанных сверху штампов, одинаково объявляющих главным, если не единственным патентом намечаемых кандидатов на избрание (поскольку кандидатом не выставляется сам Великий и Единственный) их беспредельную преданность гениальному Вождю.

Плебиситарный характер этой якобы-«избирательной» кампании настолько очевиден, что вряд ли нужно приводить тому доказательства. И ведется она не всем правилам искусства, вплоть до обязательных «предвыборных» льгот рабочим и крестьянам, «необычных и своеобразных» тостов за «средних и мелких руководителей» в ущерб «шефам, вождям и наркомам», патетических разглагольствований о необхо-

димости «дорожить доверием народа» (см. речь Сталина на приеме металлургов и угольщиков. «Правда», 31 октября) и «заострения» всей кампании все на Нем-же, мудром, недостижимом, светозарном подателе благ, сумевшем даже «подхалимаж» монополизировать в свое исключительное пользование.

Льготы избирателям вышли, правда, довольно скромными. Для рабочих дело ограничивается повышением зарплаты наиболее низко оплачиваемым категориям до 110-115 рублей в месяц, и самые цифры эти являются гораздо больше компрометирующим признанием ужасающе низкого уровня, на котором живут еще в Советском Союзе к 21-му году революции миллионы трудящихся, чем свидетельством благостных щедрот диктатора. Несколько более существенное, но все-же достаточно скромное значение имеют те льготы по обязательным поставкам молока государству с лично принадлежащих колхозникам коров (для единоличников вся льгота свелась к снятию недоимки и к освобождению от поставки молока по яловым, т. е. нетельным и безмолочным коровам), которые были дарованы крестьянству 2 ноября, на следующий-же день после отмененной выше льготы рабочим.

Но, конечно, не на этих мизерных льготах строится главный расчет на успешное проведение плебисцита. Он строится на безотказной работе колоссального государственного аппарата со всех его хозяйственных, административных, полицейских и «культурных» разветвлениях, направленной к тому, чтобы на первых-же этапах этой действительно «своеобразной и необыч-

ной» избирательной кампании связать железными узами разум, чувство и волю избирателей и навязанной им процедурой открытого, диктатуре подконтрольного, намечения кандидатов заранее предрешишь исход их тайного голосования.

Как известно, баллотироваться каждый кандидат может лишь в одном избирательном округе. Но ничем не ограничено число округов, от которых одно и то же лицо может получить предложение выставить свою кандидатуру. И этого достаточно, чтобы всемогущий диктатор получил возможность еще до самих выборов плебисцитировать себя, помазать елеем высочайше предписанного народного «доверия» им самим намеченное ближайшее окружение свое, установить заранее иерархию внутри этого окружения и в то же время настолько внушительно «дистанцировать» от него себя самого, чтобы всем, и в том числе самому окружению, было ясно, что светит оно лишь отраженным светом Вождя.

С этой точки зрения как нельзя более показательны те сводки, которые дает «Правда». По последней, имеющейся в нашем распоряжении (от 12 ноября) уже 777 избирательных собраний наметили кандидатом Самого, и нет сомнения, что к концу избирательной кампании не останется ни одного избирательного округа, который через ту или иную группу граждан не положил бы к его стопам челобитной о выставлении кандидатуры^{*}). Надо глубоко сойти вниз с этого недостижимого «сталинского пика», чтобы очутиться на плоскогории, где расположились ближайшие сподвижники диктатора: Молотов (318), Каганович (268), Ворошилов (224), Ежов (202), и надо спуститься в предгорье, чтобы найти Калинина (127), Микояна (113), Андреева (108) и Чубаря (96). Но этими восемью, среди которых нет имени Жданова, ни Хрущева, ни Г. Петровского, ни Коссиора, ни Блюхера и пр., список планет, допущенных в непосредственную орбиту сталинского солнца, — пока, по крайней мере, впредь до иного распоряжения — и ограничивается. Выборы еще не начались, идет еще лишь предвыборная кампания, но «бессмертный» народ уже знает, кому и в какой дозе будет всемиловейше пожаловано его «доверие», если только — кто знает? — ко дню выборов намеченные «народные избранники» не будут, в том-же всемиловейшем порядке, разжалованы во врагов народа и германо-японских шпионов.

На долю «граждан-избирателей» при таком порядке остается как будто лишь «единодушное одобрение» предлагаемых большими, средними и малыми руководителями кандидатур, и многочисленные картинки советских газет иначе и не изображают их, как действующих руками, — либо сложенными для «бурных аплодисментов», либо вытянутыми как по команде вверх для «единодушного голосования». Как же удивляться тут, что такой унылой и удушливой скукой несет от тех отчетов о ходе избирательной кампании, в которых советская печать пытается отобразить настроения избирательской массы? Вопрос лишь в том, соответствует ли это казенное изображение не казенной, а подлинной действительности. И сама советская печать помимо воли дает достаточно материала, чтобы ответить на этот вопрос решительным отрицанием.

Столбцы «Правды» и «Известий» заполнены за последнее время сообщениями о карах редакторам провинциальных и даже столичных газет, допускающих в помешаемых ими отчетах о предвыборных собраниях

такую «мерзопакость», как упоминание об ораторских выступлениях, признанных «вражескими» и «клеветническими». «Как известно, есть вопросы, которые не подлежат дискуссии. Большевики не дискутируют с клеветниками и врагами», — такова общая директива, данная «Правдой» (22 октября) по этому «болезному» вопросу.

Это верно, что большевики не дискутируют с политически инакомыслящими, которых они же объявляют «клеветниками и врагами», а предпочитают заливать им горло свинцом. Это верно, что в режиме сталинской сатрапии «не подлежат дискуссии» все те основные вопросы общей, социальной, экономической, национальной и культурной политики, дискуссия по которым только и составляет смысл всякой избирательной кампании, достойной этого имени. Это верно, что в этом режиме даже тех публицистов, которые осмеливаются рассказывать советским читателям об удущении свободы выборов в Польше или Гитлеровской Германии, хватают за шиворот на том-же самом основании, на каком легендарный царский городской арестовал «за оскорбление Величества» человека, осмелившегося произнести на улице слово «дурак»: знаем, мол, кто у нас дурак!

Все это верно. Но не менее верно и то, что сама директива «Правды», подкрепленная шквалом «снятий с постов» и прочих свирепых расправ с редакторами и писателями (даже Ф. Панферову поставлена уже в связи с избирательной кампанией грозная дилемма: «что это — политическое недомыслие или...?» См. «Пр.», 5 нояб.), неопровержимо свидетельствует о том, что роль избирательской массы на предвыборных собраниях отнюдь не исчерпывается обязательным и сплошным «ура»; что политическая мысль, разбуженная провозглашением новой конституции и назначением выборов, не только бьется в умах избирателей, но, вопреки всем опасностям, требующим для своего преодоления поистине героического мужества, находит все-же и своих гласных выразителей. Диктатура может исключить всякую возможность отражения этого факта на столбцах подвластной ей и ею монополизированной печати. Она не может вычеркнуть из самой советской действительности этого факта, свидетельствующего о том, что плебиситарное шествие Сталина не является сплошным и безмятежным триумфом.

Она не может вычеркнуть и другого факта, свидетельствующего о том-же.

Давно-ли «Правда» собиралась мобилизовать на избирательную кампанию «миллионы» сталинских агитаторов и пропагандистов из коммунистов, комсомольцев, активистов, «беспартийных большевиков» и пр.? Мы тогда-же (передовая «Перед выборами» в № 19) высказали сомнение, чтобы сталинская диктатура могла найти «миллионы «без лести преданных» в тех народных низах, откуда она вынуждена черпать» своих агитаторов. Наше предвидение оправдалось скорее и полнее, чем мы могли предполагать. В номере от 5 ноября «Правда» уже меланхолически регистрирует мало утешительные с ее точки зрения результаты «оперирования большими числами» и «мобилизации множества агитаторов» и, поскольку виноград оказался явно зелен, дает совершенно обратные директивы: «не требуется создавать армии агитаторов»; «вопрос сводится не к количеству, а к подготовленности и политической устойчивости выделяемых людей»; и жирным шрифтом: «необходимо создать небольшие численно, но политически действительно проверенные и подготовленные кадры агитаторов и пропагандистов, ...умеющих, способных всегда и во всякое время защищать дело партии Ленина-Сталина». Нельзя

^{*}) «Принимая к руководству указания ЦК», Сталин и окружающие его светила уже указали округа, в которых намерены «баллотироваться». Как видим, это не мешает «Правде» продолжать печатание хроники плебисцита.

сказать яснее, что мобилизовать на защиту этого «дела», т. е., говоря попросту, сталинского плебисцита, те «миллионы», о которых мечтала так недавно «Правда», не удалось...

Все это, разумеется, не дает еще ни малейшего основания для «бессмысленных мечтаний» о возможном провале сталинского плебисцита. Нет, работа пущенного в ход гигантского аппарата принуждения и одурманивания, несомненно, себя «оправдывает». Но все-таки этого за глаза достаточно, чтобы еще и еще раз констатировать: историческое, переломное значение новой конституции и всеобщих тайных выборов заключается в том, что, провозгласив их в целях плебисцитарного закрепления своей диктатуры, Сталин, помимо воли, вызвал к жизни так долго дремавших в массах духов политической активности, с которыми он, конечно, справится сегодня, но которые завтра справятся с ним самим. И каждое, самое малейшее проявление активности трудящихся масс, сведется ли оно к

дружеской беседе с глазу на глаз о вопросах, «не подлежащих дискуссии», прорвется ли оно в мужественном выступлении одиночек на избирательных собраниях, скажется ли оно, наконец, в том вычеркивании сталинских ставленников из избирательных бюллетеней, которое в наличных условиях является как будто единственно доступной крестьянам и рабочим формой манифестирования своей политической воли, — каждое такое проявление, регистрирует ли его советская пресса, или нет, будет на деле взрыхлять ту массовую почву, в которую сможет пускать свои корни возрождающаяся социалдемократия, партия возрождающегося к политической сознательности и организованной самостоятельности классового рабочего движения.

Не довольно ли этого для того, чтобы, не предаваясь никаким иллюзиям, социалдемократия все-же сделала все процессы, связанные с введением новой конституции, ударной точкой приложения своей политической мысли и своей политической работы?

Ф. ДАН.

Фашистский или социалистический мир?

Подписанное 6 ноября в Риме соглашение, которым Италия присоединяется к японо-германскому договору о «борьбе с коммунизмом», заключенному 25 ноября прошлого года, вносит в международное положение значительную ясность.

На международную арену открыто вступает новый, тройственный Священный Союз. Он отличается от своего монархически - феодального предшественника начала 19 века своим фашистски - капиталистическим характером. Он сходится с ним в том, что присваивает себе право — под предлогом борьбы с коммунизмом (тогда говорили: с «демагогами») — контролировать внутреннее развитие всех стран и делать это развитие предлогом для военного нападения на них. Он объявляет себя жандармом — даже не Европы, как его предшественник, а всего земного шара. Сегодня он пушками, танками, аэропланами громит «коммунизм» на крайнем, испанском западе Европы и на крайнем, китайском востоке Азии. Завтра это будет центр Европы, север Африки, юг Америки, не говоря уже о Советском Союзе. Никаких границ своему «цивилизаторскому» разбою он не ставит. Он сразу выступает, как сила мировая.

Борьба с тем, что фашистский триумвират называет «тлетворным влиянием большевизма», — это предлог для военной агрессии всюду, где он сочтет такую агрессию отвечающей его интересам: ведь Народный Фронт во Франции, участие социалистов в коалиционном кабинете Чехословакии, социалистические правительства в Скандинавии, рост Рабочей Партии и темпаче возможный приход ее к власти в Англии и т. д. — все это с таким-же удобством может быть объявлено исчадием пресловутого «влияния», как и самозащита испанской республики от мятежных генералов или Китая от японской военщины. Это — предлог. Но не только предлог.

Фашизм и в самом деле выступает чемпионом разлагающегося капиталистического мира против сил и идей демократии, неразрывно связанных в нашу эпоху с силами и идеями пролетарского социализма. Он выступает таким чемпионом потому, что того требуют его собственные жизненные интересы, интересы защиты воздвигнутых им деспотий от революционного на-

пора трудящихся масс. Он выступает в роли такого чемпиона и потому, что эта роль дает ему возможность использовать в интересах экспансии и империалистической агрессии, ставшей законом его существования, те залежи страха перед социализмом и ненависти к демократии, которые все больше накапливаются в господствующих классах всех без исключения стран неизлечимо больного капитализма.

Говорят, в наше время военные действия начинаются без объявления войны. Но именно роль мирового чемпиона упадочного капитализма дает фашизму дерзость и силу — объявить в превентивном порядке войну всему не-фашистскому миру, в твердой уверенности, что, вопреки всем разговорам о коллективной безопасности и взаимопомощи против агрессора, он при каждом очередном нападении на очередную жертву не встретит со стороны демократических и пацифистских стран ни мужественного отпора, ни решительного противодействия и имеет таким образом все шансы глотать куски один за другим, втягивать в орбиту своей политики напуганные его успехами мелкие страны и ставить на колени ослабленные и деморализованные великие державы вопреки тому, что, по словам Рузвельта, он имеет 9/10 человечества против себя.

Правильны ли эти расчеты фашизма? Увы, если взглянуть на ход международного развития за последние недели, приходится как будто дать утвердительный ответ на этот вопрос.

После кратковременного подъема энергии, выразившегося в заключении Нионского соглашения, наступил новый и еще более сильный упадок ее, первым симптомом которого было привлечение Италии к «борьбе» с ее собственным пиратством. Заговорили о недопустимости оккупации Балеарских островов итальянскими фашистами и об ответной посылке англо-французского флота к берегам Минорки во имя ограждения свободы средиземно-морских путей и — через несколько дней сменили эти разговоры гробовым молчанием. Позвали Италию на англо-французскую конференцию для обсуждения вопроса об отзыве так наз. «добровольцев», требующего-де немедленного разрешения и. — согласились потопить этот вопрос в бес-

конечных нудных прениях возродившегося Лондонского Комитета, вот уже неделями придумывающего «формулы», которые неизвестно как отразятся на целостности овец, но при которых фашистские волки будут, несомненно, сыты. Грозил в случае дальнейших проволок и саботажа «невмешательства» фашистскими державами «немедленно открыть пиренейскую границу» и кончили — проектом «предоставления прав воюющей стороны» генералу Франко, т. е. права стоящим за его спиной Италии и Германии блокировать и морскую границу республиканской Испании, и речью Идена, явно поставившей ставку на победу испанского ставленника итало-германского фашизма и возвестившей обмен дипломатических представителей (ну, конечно: нужна подходящая формула, и потому эти представители будут называться «агентами»!) между ним и Англией. Созвали в Брюсселе специальную конференцию для защиты Китая от японского нападения и — с самого начала стали придумывать способы побудить Японию милостиво согласиться собственноручно саботировать работу конференции и очень скоро пришли — по свидетельству такого чистого от позорений по «большевизму» французского публициста, как Сорвейн, — к заботам не столько о том, как бы помешать японскому разбойнику проглотить китайскую добычу, сколько о том, как бы принять участие в ее разделе, да притом исключив из числа участников не только Советский Союз, но и Францию, и поделив жирный китайский кусок (если Япония согласится!) между тремя империалистическими левиафанами — Японией, Соединенными Штатами и Англией. И т. д.

Если все это имеет какой-либо смысл, то смысл этот заключается в том, что снова трещит объявленный столько раз нерушимым англо-французский блок, снова наносится сильнейший удар всей системе Лиги Наций, коллективной безопасности и взаимопомощи, и снова, и притом все определеннее, консервативное правительство Англии выступает в роли застрельщика политики, которая строит «защиту мира» на соглашениях с фашистскими поджигателями войны, на «насыщении» их чужими территориями, колониями и «сферами влияния».

Что эта политика, если бы она была последовательно проведена до конца, неизбежно привела бы лишь к тому, что, терроризовав мелкие страны, встав железной пятой во всех концах земного шара и разгромив по одиночке Советский Союз и изолированную Францию, Священный Союз фашизма, в конце концов, все же столкнулся бы с Англией и попытался взорвать ее империю; что эта близорукая политика не спасает мир, а делает войну перманентной, не предотвращает мировой катастрофы, а подготавливает лишь все шансы фашистского успеха в этой катастрофе, — об этом говорилось столько раз и так много, что вряд ли нужно возвращаться к этому вопросу. Но приходится спросить себя, почему же именно теперь, когда за плечами имеется уже такой богатый и такой горький опыт, когда провозглашением Священного Союза германо-итало-японский фашизм открыто бросает демократическим и пацифистским странам свое «иду на вы», — почему именно теперь, в явный разрез не только с национальными интересами Англии, но и с империалистическими интересами ее господствующих классов, британское правительство, после столь многих зигзагов и колебаний, с такою определенностью выступает глашатаем политики капитуляции перед воинствующим фашизмом?

Политика консервативного правительства Англии за последние годы никогда не отличалась стойкостью и последовательностью. Это объясняли ее военной слабостью. Но сейчас Англия в военном отношении гораздо более сильна, чем 3, 2 и 1 год тому назад. Это

значит, что причин столь явно капитулянтского поворота ее политики надо искать в факторах другого порядка. Их надо искать в социальных инстинктах господствующих классов Англии, на которые, как уже указано, и спекулирует фашизм и которые всегда парализовали энергию ее консервативного правительства в борьбе против фашистских агрессоров. И если сейчас капитулянтские тенденции в политике этого правительства сказываются с такой небывалой определенностью, то объясняется это, очевидно, тем, что ослабели те силы, которые могли бы быть с успехом противопоставлены фашистскому Священному Союзу и которые могли бы и британское правительство толкать на путь не капитуляции, а сопротивления. И в этом — тревожность и опасность положения с точки зрения подлинной, а не иллюзорной защиты мира.

Пошатнулся, в известном смысле «выдохся» Народный Фронт во Франции, и, как я имел уже случай указывать, именно с внешне-политического края началось его выхолащивание. Конечно, одним из непререкаемых постулатов внешней политики Франции, в том числе и Франции Народного Фронта, должно быть соглашение с Англией. Но это соглашение отнюдь не требует пассивного приспособления ко всем зигзагам и слабостям консервативного правительства Англии, скорее — наоборот. Ибо, как говорит известный корреспондент «Манчестер Гардиэн» при Лиге Наций Роберт Дэлл в женевском «Журналь де Насион» (я цитирую по «Правде» от 16 авг.), «Франция так же нужна Англии, как Англия нужна Франции». А между тем, настаивает он, «французское правительство, жертвующее всем, чтобы заручиться английской помощью на случай германской атаки на Францию, платит за то, что оно могло бы получить даром», платит ценою крушения франко-бельгийского союза, фактического аннулирования франко-польского союза, раскола Малой и Балканской Антанты, — к этому перечню можно прибавить теперь и угрозу разгрома республиканской Испании.

Судьбы республиканской Испании — это второй фактор, не остающийся без влияния на внешнюю политику Англии. Если неизменные, хотя подчас и затаиваемые симпатии господствующих классов Англии к Франко правительство Чемберлена-Идена открыто провозглашает теперь основой политики, ориентирующейся на соглашение с ним, как с грядущим владыкой Испании, то потому, что поколебалась вера в возможность победы Испании республиканской; поколебалась не потому, чтобы победа была невозможна с военной точки зрения, а потому, что крепнет сомнение в политической возможности этой победы, в способности разлагаемого внутренней междоусобицей народно-революционного фронта использовать для победы оружие даже в том случае, если бы для доставки этого оружия были открыты все границы. Гибельная политика сталинизма в Испании выступает тут со всею очевидностью, как фактор, подготавливающий разгром демократии и социализма не только в Испании, но и во всем мире. Сталинская диктатура, несомненно, хочет мира. Но — благими намерениями вымощен ад. На деле она, вопреки своим намерениям, вырывает у мира почву из-под ног и подготавливает мировую победу фашизма.

Она играет эту роковую роль не только на мировой арене, но прежде всего и больше всего в самом Советском Союзе. «Мировая буржуазия», конечно, не станет плакать ни о «старых большевиках», ни о тысячах других жертв сталинских расправ. Но она регистрирует эти расправы, как свидетельство внутренней слабости Советского Союза. И больше всего учитывает она казнь советских генералов и разгром красно-армейско-

го офицерства, как фактор полной дезорганизации Красной Армии и во всяком случае ее неспособности к активным, наступательным действиям. Вера в мощь Красной Армии подорвана. Ее все больше скидывают со счетов при учете тех сил, которые могут быть противопоставлены Священному Союзу фашизма в случае его наступления на запад-ли Европы, на центр-ли ее или на какую-либо иную точку земного шара. И это обстоятельство не может, конечно, не играть самой существенной роли в усилении тех капитулянтских тенденций во внешней политике английского консервативного правительства, с которыми боролся и продолжает бороться английский рабочий класс.

На Совете французской партии Леон Блюм совершенно правильно указал, что принцип «невмешательства» исторически возник, как принцип демократии, противопоставленный интервенционистским принципам Священного Союза монархических деспотий. Но, не говоря уже о том, что для того, чтобы реализация этого принципа не превратилась в самообман, а стала плодотворным делом, надо, чтобы и «другая сторона» была вынуждена соблюдать его, позволительно спросить: сохраняет-ли самый принцип свою абсолютную ценность в такую эпоху, как наша, когда, как мы только что видели, внешняя политика сплетается все более неразрывно с внутренне-политическими процессами развития в разных странах и во всем мире, и когда именно поэтому принцип этот то и дело вступает в противоречие с другим принципом современной демократии — принципом коллективной безопасности и взаимопомощи? *).

Священный Союз фашизма дает недвусмысленный ответ на этот вопрос. Хотим мы того или нет, он, по верному замечанию Жиромского, навязывает нам разделение мира на «идеологические» (если можно приложить это почетное обозначение к зверным «концеп-

циям» фашизма!) блоки, как факт, столь же неустрашимый, как борьба классов, более того — как неизбежное выражение классовой борьбы в мировом разрезе. Возрождение подлинного Народного Фронта во Франции, восстановление народно-революционного единства в Испании, демократическая ликвидация сталинского бонапартизма в Советском Союзе, не говоря уже об усилении мощи рабочего движения в Англии, Соединенных Штатах, во всем мире и нарастании революционно-пролетарских тенденций в Германии, Италии и Японии — являются столь же и даже более действительным орудием борьбы за мир и за победу над Священным Союзом фашизма, если он все-же зажжет пожар мировой войны, чем накопление вооружения и увеличение численности армий, и потому не могут выпадать из поля зрения внешней политики пролетариата в его борьбе за мир.

Мир будет фашистским, пророчествует опьяненный успехами итальянский обер-фашист. Если его пророчество исполнится, земля будет обгащаться кровью непрерывных войн до тех пор, пока на развалинах подлинной человеческой цивилизации не воцарится своего трона варварская «цивилизация» фашизма. Чтобы этого не случилось, чтобы человечество могло пользоваться благами мира, культуры, свободы и демократии, — мир должен стать социалистическим.

*) Во избежание лже-толкований: «вмешательство» отнюдь не должно быть непременно **военным**. Существуют другие формы «вмешательства»: политические, экономические, дипломатические, идеологические и т. д. И как раз энергичное применение **этих** форм может помешать **военной** интервенции «другой стороны» и тем **спасти мир**. Борьбаться против «невмешательства» отнюдь не значит проповедывать войну или фаталистически примиряться с ее неизбежностью.

А. ЮГОВ.

Предпосылки построения социализма в России

К двадцатилетней годовщине советской власти естественна потребность подвести итоги социально-экономических процессов в СССР и в частности осветить вопрос о социальной сущности складывающегося режима.

В октябре 1917 года социалдемократия не приняла участия в октябрьском восстании. Мы считали, что отсталость русской экономики, социальная структура страны, политические и культурные условия делают безнадежной политику, направленную на строительство социализма в России. Теперь в социалистической среде иногда высказывается мнение, что отказ от участия в Октябре — был роковой ошибкой социалдемократии, и что вся история русской революции, и в частности нашей партии, была бы иная, если бы мы соучаствовали вместе с большевиками в октябрьские дни 1917 года. Я думаю, что роковые ошибки нашей партии были совершены до октября, а не в октябре. Надо было решиться на разрушение вопроса о войне. Нужно было немедленно разрешить вопрос о земле. Надо было быстрее и решительнее удовлетворить социальные стремления рабочих: восьмичасовой рабочий день, рабочее представительство на заводах и пр. Нельзя было затягивать созыв Учредительного Собрания. Но в вопросе об участии в Октябрьском восстании нам нечего пересматривать. Мы не могли соучаствовать в Октябре, ни с его зада-

чей непосредственного строительства социализма, ни с его неизбежными последствиями — гражданской войной. Мы понимали, какие страшные последствия принесет новая стадия русской революции, и мы были обязаны предостерегать пролетариат от вступления на путь катастроф и утопии.

Оказалась ли задача построения социализма в России утопией, мы будем говорить далее в нашей статье. Но кровавые методы, которыми достигли большевики своих успехов, страшный путь, который прошла страна за эти 20 лет, неустойчивость советских социально-экономических форм и, наконец, процесс разложения коммунистической партии, совехившей Октябрь, физическое и моральное истребление Сталиным своих соратников по Октябрю, сами по себе — яркое доказательство того, что пути, по которым пошли большевики с 17-го года, не должны были быть путями социалдемократии.)

Но отказываясь быть активными и ответственными участниками новой фазы революции, наша партия никогда не только не была в лагере сил, вооруженной рукой подавлявших восставшие народные массы, но и во все критические моменты, когда революции угрожала генеральско-помещичья реакция, призывала всех своих сторонников бороться за революцию в одних рядах с массами, руководимыми большевиками.

Предостерегая пролетариат от бедствий, которые его

ждут на путях гражданской войны и утопии, руководящие органы нашей партии никогда не оценивали однако октябрьскую фазу революции, как «бунт рабов», как «движение люмпенпролетариата», а понимали всю историческую закономерность в русских условиях того времени стихийно-революционного движения миллионных масс рабочих, крестьян и солдат, поднявшихся против векового угнетения, нетерпеливых и утопичных в своих стремлениях и часто жестоких в своих формах борьбы.

Но глубоко ошибаются те, кто думает, что, если бы социалдемократия приняла участие в руководстве октябрьским движением, то судьбы рабочего класса России и пути революции были бы иные. До Октября, например еще в июльские дни 1917 года, иная, более считающаяся с настроениями народных масс, политика нашей партии, быть может, могла устранить неизбежность октябрьского восстания, но в октябрьские дни, когда народная стихия уже была возглавлена большевиками, наше соучастие в Октябре лишь обрекло бы нашу партию на судьбу левых с.р., могло лишь идейно разложить социалдемократию, но хода истории изменить не могло бы. Мы хорошо знаем большевиков, как партнеров в революционном движении, мы знаем их методы, их тактику. Судьба Троцкого, Зиновьева, Бухарина и Рыкова, соучаствовавших вместе с Сталиным в Октябре, показывает, в каком направлении развивалась революционная диктатура, рожденная в Октябре 1917 года.

Явления распада в революционном движении Испании ярко показывают, как осуществляют большевики коалицию с социалистами тогда, когда они — решающая сила.

Мы не могли и не должны были соучаствовать в Октябре.

В 1917 году, оценивая объективные условия, главным образом в области экономики и социальных отношений, мы считали невозможным приступить к немедленному строительству социализма в России. Но с тех пор прошло 20 лет. Прошли два очень насыщенных событиями десятилетия. Нельзя полагаться на некогда очень обоснованные, но сейчас, быть может, уже отжившие выводы. За 20 лет радикально меняются условия даже в эпохи нормального развития. Англия начала 20 века существенно изменилась по сравнению с Англией конца 19-го столетия. Колоссальные изменения произошли в Японии за 20-25 лет, предшествовавших русско-японской войне. И наконец, как радикально изменились материальные и культурные условия в России за последние 20-30 лет предсоветского периода! 20 лет тем более громадный, решающий период в условиях революционного развития.

Надо изучать новую современную Россию, надо в условиях ее экономики, в ее социальных отношениях, в духовной жизни ее населения искать ответа на вопрос: созрели ли объективные условия для строительства социализма, какова сущность того строя, который складывается в СССР.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо раньше всего оценить экономику и социальные отношения в современной России. Мы остановимся лишь на главных, решающих явлениях, при этом, для нас существенны не конкретные цифры — они всегда спорны в советской статистике, а их вес, их сущность, их тенденция развития.

За эти двадцать лет в стране произошел быстрый процесс индустриализации. Из страны по преимуществу аграрной, Россия превратилась в страну

промышленно - аграрную. В настоящее время Россия стоит в ряду наиболее промышленных стран, при этом строение ее основного промышленного капитала и по качеству и по возрасту наиболее современно. Вся крупная и средняя промышленность и значительная часть мелкой — национализирована. Дорогой ценою, не считаясь ни с голодом, ни с вымиранием населения, советская власть изменила всю хозяйственную структуру страны: современная Россия имеет громадные заводы и фабрики с новейшим оборудованием, в стране создано самостоятельное производство орудий и средств производства, развиты или вновь организованы сложнейшие отрасли индустрии, призваны к жизни и быстро развиваются новые промышленные районы. Страна в промышленном отношении значительно ослабила зависимость от иностранного импорта. Россия, одна из немногих стран, имеющих громадное промышленное производство, опирающееся на национальные источники разнообразного промышленного сырья и топлива. Тот процесс концентрации индустрии, который вообще характерен для стран молодого капитализма и был свойствен довоенной России, в современном СССР достиг почти пределов. И не только в том смысле, что подавляющее большинство пролетариата работает на крупнейших предприятиях, но, что гораздо существеннее, произведена концентрация, объединение целых отраслей промышленности. Более быстрый темп роста индустрии, чем сельского хозяйства, поднял удельный вес промышленного производства в продукции народного хозяйства. Медленно начала в последние годы повышаться и производительность труда, хотя в этой области успехи еще очень недостаточны.

Мы сознательно в этой статье не привели и не будем приводить далее цифр, характеризующих уровень и темпы развития советской экономики, ибо можно и должно оспаривать отдельные данные советской статистики, но нельзя обоснованно оспаривать ту общую характеристику экономических процессов, которую мы даем в нашей статье.

Из-за лишения крестьянства частно - хозяйственных стимулов для нормальной производственной деятельности, восстановление сельского хозяйства протекало зигзагообразно, подъем сменялся регрессом. Лишь в последние годы, после укрепления коллективизации и предоставления крестьянам права и на частное усадьбное хозяйство, стала возрастать и продукция сельского хозяйства. В настоящее время в области растениеводства размеры продукции зерновых и технических культур превысили средние довоенные нормы, а в области животноводства начался быстрый процесс восстановления скота, уменьшившегося почти на половину в период принудительной коллективизации. Но, если в области количественной в сельском хозяйстве происходил до сих пор, главным образом, процесс восстановительный, то радикально изменились вся структура и технический уровень сельско - хозяйственного производства. Вместо миллионов распыленных мелких хозяйств, образовались крупные хозяйственные единицы - колхозы. Вместо устарелых примитивных форм хозяйствования повсеместно введены новые методы агрокультуры. Вместо сох и плугов — тракторы и многолемешные плуги, вместо цепа — молотилки и комбайны. Увеличилось удобрение, улучшилась обработка почвы. Крупные размеры хозяйства, механизация, современные методы агрокультуры и миллиардные денежные вложения в сельское хозяйство создали благоприятные экономические предпосылки для дальнейшего быстрого развития сельско-хозяйственной продукции.

Планового хозяйства, в полном смысле этого понятия, за истекшие 20 лет построить не удалось.

От плана, определяемого лишь директивами ВКП, пришлось отказаться, пришлось посчитаться и с хозяйственными закономерностями и социальной структурой страны, и с темпами освоения нового строительства и с законами рынка. Но все же элементы плана с каждым годом растут, и государственное планирование и регулирование делаются все более реальными факторами в народном хозяйстве.

Не дали результатов и попытки отменить рынок, заместить его государственным распределением. Здесь особенно решительное сопротивление оказал мелкий производитель и массовый потребитель — крестьянство. После ряда ощутительных неудач в этой области, советская власть в основном восстановила рынок и систему товарного хозяйства. Она осуществляет торговлю в городе через государственные органы, в деревне через огосударствленную кооперацию. Торговля колхозов и крестьян разрешена, но подчинена государственному регулированию.

Не менее радикально изменились за 20 лет советской власти и социальные условия в современной России.

Основные собственнические классы в СССР уничтожены. Нет ни помещиков, ни заводчиков, ни банкиров, ни крупных торговцев. Остатки этих классов кое-где еще прячутся в щелях режима, но вымирают социально и не являются сколько-нибудь реальным фактором.

Рабочий класс значительно увеличился в своем числе. Его удельный вес в социальном разрезе страны сильно возрос. В него влились за последние годы миллионные массы первоработающих и из деревни и из пролетаризированных революцией слоев города. Число старых квалифицированных, классововоспитанных рабочих относительно уменьшилось. Очень увеличилось число молодежи в составе активного рабочего населения. Система ставок, сельщина, премиальные создали резкую дифференциацию между различными группами рабочих. В условиях одного же завода, даже в одной и той же профессии можно встретить рабочих получающих по 200-250 рублей в месяц и в 5-6 раз больше.

В целом, материальные условия жизни советского рабочего за последние годы улучшились и продолжают медленно улучшаться, хотя и сейчас еще не достигли уровня жизни европейского рабочего.

Старое единоличное крестьянство умерло. Лишь ничтожный процент всех крестьянских хозяйств живет еще в условиях частного хозяйства, при этом значительная часть и этих крестьян живет уже не столько сельскохозяйственным производством, сколько отхожими промыслами, извозом и наймом в ближайшие совхозы. Остальное крестьянство работает и живет в условиях современных колхозов. Конечно, современные колхозы, не только не организации социалистического типа, но даже не свободные кооперативные объединения крестьян, но все же крестьянину колхознику приходится работать в совершенно иных условиях, чем ранее в своем частном хозяйстве. Колхозник постепенно на опыте осознает, что подъем его материального благосостояния находится в тесной зависимости от подъема доходности всего колхоза. Колхоз постепенно воспитывает у крестьянина привычку к совместной работе, к сознанию общности интересов со своими соколхозниками, расширяет его хозяйственный и социальный кругозор. Но крестьянин остался мелким собственником. Он неустанно думает о своем материальном росте. Крестьянин примирился с колхозом только после того, как убедился, что крупное, механизированное, интенсивное хозяйство колхоза обеспечивает ему более высокий, чем ранее, уровень до-

хода. И при этом только после того, как рядом с колхозом он получил возможность вести свое частное хозяйство. Интересы его, как мелкого производителя, раздвоились между колхозом, где растущие доходы определяются высокой техникой и возможностями крупного хозяйства, и личной усадьбой, куда он вкладывает всю свою напряженную энергию частного предпринимателя.

Современный колхозник уже в значительной мере не полноценный собственник, не самостоятельный производитель. Основными, главнейшими орудиями производства — тракторами, комбайнами, молотилками, мельницами, ремонтными мастерскими и пр. колхозное крестьянство уже не владеет. Все это принадлежит МТС и другим органам государства и лишь выполняет в колхозе нужные работы за особую натуральную оплату. Советское государство не только в городе, но и в деревне владеет основными орудиями производства.

Социальная физиономия деревни сильно изменилась. В современной деревне нет сколько-нибудь широкого слоя, находящегося вне производственного процесса. Былые беспосевные, безинвентарные, безлошадные, — минимум 15-20 миллионов человек, — сейчас нашли себе место в колхозе и слились с общей массой крестьянства. У колхозного крестьянства еще в среднем не высок уровень благосостояния, однако уже нет вечного недоодеяния, вечной тревоги за завтрашний день, за будущее своих детей. Но одновременно в среде крестьянства происходит быстрый процесс расслоения. Рядом с колхозами, едва-едва выбившимися из полосы дефицита, имеются колхозы, или более щедро оделенные посевами и кредитами, или наладившие производство высокоценных технических культур и из года в год обогащающиеся. Это колхозы — миллионники, т. е. колхозы, запасные фонды которых в сберегательных кассах превышают миллион рублей. И внутри колхоза очень велика дифференциация. Доходы колеблются в зависимости от числа трудодней, выработанных отдельным колхозником, и от веса его трудодня. Рядом с крестьянами, зарабатывающими свой еще скудный прожиточный минимум, имеются ударники, знатные люди, бригадиры, стахановцы, которые часто зарабатывают не меньше, чем былые деревенские богатеи.

Конечно, и сейчас условия жизни в городе и деревне сильно разнятся. Но уже нет былой глубокой пропасти. От современной деревни протянулись непосредственные и тесные связи к городу, к технике, к университету, к театру, к культурной жизни.

Старые правящие, чиновничьи слои с корнем уничтожены. Вместо них за эти годы сложились новые еще более многочисленные и очень влиятельные слои советской бюрократии: военной, административной, технической, хозяйственной. Эта бюрократия в большинстве своем вербует из рабочей среды, отчасти из бывшей интеллигенции и крестьянской молодежи. Эти слои занимают в СССР наиболее привилегированное положение, их материальные условия намного выше среднего уровня жизни трудящихся. Они уже часто не только исполнители распоряжений власти, но и носители этой власти. Они всем своим положением связаны с пореволюционным режимом в стадии его укрепления, и в их рядах крепнет желание завершения революции и стремление к порядку и покою. Этот слой, конечно, нельзя еще считать сложившимся классом. У него нет еще определившихся классовых желаний и, главное, у него нет еще определенного положения в производственном процессе. Но было бы ошибкой не видеть тенденции советской бюрократии обособиться в особую социаль-

ную группу. История учит, что часто новые имущие классы вырастают именно из служилого сословия, или из жрецов культа, или из среды военщины, и оформление их в производственном организме происходит лишь значительно позже.

Эта социальная группа, все растущая в своем числе, в своем значении, использующая все большую долю материальных благ стран — пока еще находится лишь в состоянии социального оформления.

Такова в основных чертах социально — экономическая картина современного СССР. Созрели ли в этой России условия для строительства социализма?

Если исходить из критерия, даваемого нам материалистическим пониманием истории, если применить те методы, которыми оперировали, при разрешении подобных вопросов, учителя научного социализма, то следует сделать вывод, что в области производительных сил и производственных отношений в Советском Союзе имеются все основные условия, необходимые для построения социализма. Более того, некоторые социально — экономические отношения по форме уже аналогичны социалистическим.

Высокая степень индустриализации, высокая концентрация производства и пролетариата, планирование хозяйства, огосударствление орудий производства, коллективизация деревни. Сопротивление основных имущих классов уже преодолено. Пролетариат возрос количественно и, в силу своей классовой природы, стремится к построению социализма и враждебен всякой форме реставрации частнокапиталистических отношений. Колхозное крестьянство, в своем большинстве благодаря революции пока еще боится всяких реставрационных тенденций. Оно не препятствовало бы пролетариату в его строительстве социализма, если бы наконец получило реальные гарантии того, что интересы

крестьянина, как мелкого производителя, не будут затронуты, что он получит право самодеятельности в колхозе и право коллективной или частной собственности на сельскохозяйственные орудия.

Тревогу вызывает поведение советского служилого сословия. Но эта группа не в состоянии самостоятельно решить будущее страны. Она еще не обладает потребной для переворота целеустремленностью, она не имеет еще ни больших, ни малых вождей. Она еще на распутье. Кровавая расправа Сталина с хозяйственниками и с военными командирами надолго убила в этой среде держания самостоятельной политики, если таковые и были у нее в действительности. Эта группа пока еще будет служить тем, кто будет обладать реальной властью. Если бы был реализован действительный союз рабочего класса с крестьянством, то бюрократия в ее теперешнем состоянии выполнила бы волю этих двух решающих классов.

Экономические и социальные условия современной России во всяком случае не дают никаких оснований для того, чтобы во имя реальной политики отказываться от сложившихся социально — экономических форм или отодвигать строительство социализма в далекое будущее, как это приходилось делать социалдемократии в 1917 году.

Но на пути истории и особенно на темпы ее развития влияют не только производственные факторы, как бы ни было громадно их значение. Для построения социализма очень важное значение имеют и факторы политического, культурного и психологического характера.

Благоприятствуют ли они построению социализма в современной России? К анализу этих моментов мы перейдем во второй части нашей статьи.

(Окончание следует).

Ю. ОСОКИН.

Мир призраков

Одним из наиболее чтимых национальных героев Гитлеровской Германии является Шлагетер, расстрелянный в 1923 г. во время Рурской оккупации за организацию актов саботажа. Но раньше этот же Шлагетер работал в Данциге в шпионской организации, находившейся под руководством польского агента. Были сведения, что он работал и для других иностранных разведок. Когда еще до прихода Гитлера к власти был разоблачен двусмысленный характер деятельности Шлагетера, «национальные» союзы защищали своего героя, заявляя, что он и в иностранных шпионских организациях работал для Германии, а не для иностранных держав. Кто же был Шлагетер: фанатик патриотизма, постоянно рисковавший своей жизнью, чтобы служить своей стране в самых опасных условиях, или обладавший чрезвычайной смелостью наемный агент, работавший для того, кто ему лучше платил? Фанатик реакции, который из ненависти к республиканской Германии был готов помогать всем ее врагам, или последователь какой-то дикой идеи, хотевший во что бы то ни стало зажечь пожар новой войны, или же, наконец, абсолютно беспринципный авантюрист, заполнявший рискованными предприятиями свою опустошенную жизнь? Правда о Шлагетере остается еще неизвестной. Возможно, что она подтвердила бы не какую-либо одну из высказанных гипотез, а обнаружила бы наличие различных побудительных мотивов и пси-

хологию, в своем роде сложную и внутренне противоречивую.

Шлагетер не был единичным явлением. Таких, как он, было много. И эти странные противоречивые фигуры, не то сверхпатриоты, не то изменники, не то фанатики идеи, не то продажные агенты, были продуктами своеобразного явления германской послевоенной жизни, которые интересны для нас своим параллелизмом к известной части русской эмиграции.

Часть немецкого офицетства, не покинувшая своей страны, но и не нашедшая себе места в ненавидимой ею новой Германии, образовала своеобразную внутреннюю эмиграцию. С этой германской военной «внутренней эмиграцией» русская военная эмиграция имеет гораздо больше и внешнего сходства, и внутреннего родства, чем с политическими эмиграциями прежнего типа или с одновременно возникшими эмиграциями определенных политических групп. Ведь огромное большинство покинувших Россию или очутившихся вне России офицеров раньше политическими деятелями никогда не были. Из международной войны они шли в войну гражданскую без определенных политических представлений и не образуя организованных политических групп. Они уже были деклассированы во время международной войны, и в отличие от промышленников или помещиков, с которыми они образовали общий фронт в войне гражданской, они не

представляли оформленных классовых стремлений: многие из конфликтов, разлагавших белый фронт, возникли, по крайней мере отчасти, на этой почве.

Офицеры побежденной русской армии считали, как и их германские собратья, военное поражение следствием внутренней измены, революцию — бунтом предателей и дезертиров; они ненавидели революционную власть, как засилие изменников, подписавших позорный мир. В период грандиозного общественного переворота они окончательно оторвались от реальных социальных связей. Единственной социальной реальностью являлись для них остатки старой армии, воплощавшие в их глазах все, что вообще осталось от той «Великой России», за которую они боролись. Так они ушли в эмиграцию, внутренне прикованные к организационному скелету старой армии, и в эмиграции они так же естественно организовались в формах старой военной иерархии, как германская «внутренняя эмиграция» положила основу для организованных по образу и подобию старой армии «военных союзов».

Но дальше выступает коренное различие. К несчастью для всего человечества, германские «военные союзы» нашли для себя социальную почву и, слившись с реакционным бунтарским движением, содействовали торжеству гитлеризма. Русская военно-эмигрантская иерархия с ее капитанами, полковниками, генералами, штабами, «осведомительными бюро» для разведок и контр-разведок, следственными комиссиями под председательством генералов и военными судами чести, — вся эта иерархия осталась фантазмогорией, почвой для которой является даже не столько реальная эмигрантская жизнь, сколько причудливый переплет идеологических фикций и призрачных отношений.

Чего только нет в этом призрачном мире! Есть и царь, правда, без царства, но со своим двором и, без сомнения, с придворными интригами. А в потаенных углах ютятся заговорщики, изобретающие всяческие средства уничтожения для борьбы с господствующими над миром темными силами. В Берлине в 1922-23 гг. (и, вероятно, не только в Берлине) существовали «отравители», называвшие себя «большими змеями». Они никого не отравили, но все время изготовляли или добывали страшные яды для уничтожения своих врагов. Никого не отравили, но попытки были. А в опубликованном несколько недель тому назад «Последними Новостями» документе, секретном бюллетене Исполнительного Бюро НТСНП, т. е. «национально-трудового союза нового поколения», утверждается, что «внутренняя линия» общевосточного союза дала двум своим агентам поручение раздобыть яды и бактерии. Через несколько времени эти агенты получили сообщение: «уже не требуется, уже все раздобыто и вскоре будет испытано». А затем один деятель национально-трудового союза Поремский «неожиданно заболевает таинственной болезнью, так и не разгаданной врачами, отравлением крови»... Положение Поремского «врачами было признано безнадежным, его выздоровление они рассматривали, как чудо». Еще через несколько месяцев (дело происходило в 1934 г.) секретарь Исп. Бюро того же союза М. А. Георгиевский приезжает в Софию, чтобы окончательно «ликвидировать» (каким способом?) агентов «внутренней линии», проникших в союз. «В Софии, после ужина в офицерском собрании, Георгиевский заболевает острым отравлением — судороги, рвота, температура 40 около двух дней. Его спасло его железное здоровье».

Сколько в таких рассказах правды, сколько болезненной фантазии и сколько сознательной злостной лжи? Разобраться в этом пока что невозможно. Но важнее всего вопрос о том, какое вообще отношение имеет

этот призрачный мир к реальной политической жизни.

Прежде всего нужно оговорить, что набросанная нами широкими мазками картина не охватывает ни всей русской эмиграции вообще, ни в частности всей военной эмиграции. За два десятка лет истории этой эмиграции в ней происходили различные процессы. Большая часть ее нашла себе если не почву, заменяющую для нее жизнь в родной стране, то по крайней мере место в заграничной трудовой жизни. И этот процесс проходил, конечно, не гладко. Не только трудна была и остается борьба за существование — и как часто борьба за существование в нищете! — как таковая. Немало остается эмигрантов, которые до сих пор не могут примириться с социальной деградацией, какой представляется им, по сравнению с ожидавшей их когда-то карьерой, работа шофера или ресторанного служащего. Такое внутреннее неприятие реальной жизни часто заставляет цепляться за жизнь призрачную. Но очень многие действительно вошли в новую для них реальность, стали членами профессии, стали усваивать профессиональную психологию и профессиональную мораль. Еще шаг дальше, и эти работники уже чувствуют себя в определенном общественном классе, становятся членами профессиональных организаций и, преодолевая свою деклассированность, пролетаризируются, так сказать, не вниз, а вверх — т. е. не опускаются из буржуазных условий в пролетарские, а поднимаются из социального небытия в жизнь нового для них общественного класса.

Мы, может быть, вернемся еще и к этому процессу, и к интересному факту формирования нового поколения, уже не знающего старой жизни из личного опыта. Здесь нам важно предостеречь от чрезмерного обобщения и отграничить от массы, так или иначе вошедшей в трудовую жизнь, те элементы, которые совсем в другой форме находят для себя мосты от призрачного мира к общественным и политическим реальностям. Это те элементы, которые, в особенности после похищения генерала Миллера и убийства Рейсса, выдвинулись в центр общественного внимания — по крайней мере в тех странах, в которых имеется более или менее значительная русская эмиграция. Эти элементы и побудили нас оживить в памяти читателя загадочный образ Шлагетера.

Мы имеем тут дело с определенной средой, для которой сделавшиеся постепенно обычными (но Великой войной сильно расшатанные) нормы социального общежития не существуют, — со средой, живущей если не «по ту сторону добра и зла», то по ту сторону добра и по эту сторону зла. В этой среде распускаются самые пышные цветы авантюризма. Полная моральная неустойчивость становится доминирующей чертой. Всякое предательство легко оправдывается «высшей целью», будь то содействие торжеству фашизма над большевизмом или служение вновь обретенной (вначале часто вполне искренне) «советской родине».

Это всегда обман других, но иногда, без сомнения, и самообман. Более близкое рассмотрение обнаружило бы большое изобилие вариантов, нюансов, даже по существу различных тенденций, иногда острых внутренних конфликтов. Только как на пример укажем здесь на то, что жгучая тоска по родине беспочвенного и глубоко несчастного человека может стать предметом самого гнусного злоупотребления. Или укажем на то, какое внутреннее потрясение пережили после 1933 г. многие, кто считал русскую революцию германским предприятием, кто ненавидел и Советский Союз, и дружественную ему Германию и считал естественной борьбу одновременно и против большевиков, и против Германии. После прихода Гитлера к власти, а в осо-

бенности после провозглашения Гитлером крестового похода против коммунизма встал вопрос, с кем же и против кого идти. Одни решили содействовать Гитлеру в борьбе против ненавистных большевиков, другие защищать Россию против ненавистой Германии.

Уже давно среда эта была благодарной почвой для работы тайных полиций. ГПУ также всегда умело вербовать в ней немало агентов. Одни становились таковыми, желая во что бы то ни стало вернуться на родину, другие просто продавали себя, а третьи шли на службу ГПУ, чтобы в свою очередь его предать. Давно также образовалась и армия японских агентов. За последнее время большие завоевания делал в русской эмиграции гитлеризм. Связи существовали уже раньше. Теперь в особенности успешно вербуются партизаны мировой борьбы против большевизма (организация Туркула). Горячее содействие находит в части русской эмиграции гитлеровский антисемитизм. ГПУ опять-таки старается парализовать работу Гестапо и

использовать в своих целях пробудившийся у многих перед лицом германской угрозы патриотизм, готовый теперь стать патриотизмом советским.

В результате, внутри русской эмиграции оказалось множество нарывов, которые не только отравляют жизнь самой эмиграции, но и грозят привести к тяжелым международным последствиям. Отдельными операциями от этой гнойной среды отделаться нельзя. Нужны большие систематические усилия, чтобы достичь органического оздоровления. Задача государственной власти в странах демократии парализовать подпольную работу тайных полиций. Наша задача содействовать идейному и моральному оздоровлению эмиграции на том единственном пути, на котором это оздоровление может быть достигнуто, — пути решительного разрыва подавляющего трудового большинства эмиграции со всеми призраками и пугалами прошлого и бесповоротного смыкания с тем миром труда, к которому это большинство давно уже принадлежит на деле.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

„Конфликт героя с эпохой“

В среде писателей продолжает бушевать разрушительный шквал. Как в начале революции под порывом революционной бури облетали самые пышные литературные деревья, за ночь никли вчерашние «властители дум», так сегодня под порывом иного ветра уносятся имена писателей, выдвинувшиеся на протяжении революционного двадцатилетия. Если все поколение революционных писателей еще не зачислено целиком в «изменники народа», то это происходит потому, что иные, как Есенин, Маяковский и др., успели во время умереть, другие, как Зощенко или Бабель, перестали писать или, как Федин и Олеша, перешли на публицистику.

Генералы уходят, армия остается. Уходят приобретшие известность писатели, литература должна жить и нет ничего ошибочнее (а эту ошибку в начале революции делали многие маститые критики), как из сегодняшнего разгрома литературы делать вывод о ее конце. Литература не кончается, она находится в процессе мучительной и радикальной перестройки всей своей тематики.

Гибнут имена писателей, интимно связанные с уже преодоленным этапом революции. «Мавр сделал свое дело»... Но кто декретирует отставку «мавра»? Кто сегодня устанавливает «закон развития» литературы? Кто обладает этой слепой, почти дьявольской силой отречения от своего собственного революционного вчерашнего?

Художественная литература второй пятилетки до недавнего времени имела очень несложный ответ на вопрос о том, кто, какой социальный слой является носителем социального и политического прогресса в советском обществе, и стремилась быть выразителем дум нового, выдвинувшегося в процессе осуществления генеральной линии поколения партийной и советской бюрократии, крестьянской и рабочей «знати». Она приветствовала бодрый оптимизм новых «хозяев жизни», ухаживала за «знатными людьми нашей страны», хлопотала о том, чтобы сделать читателю понятной революционную правомочность этого социального возвышения. Литературная критика, со своей стороны, всячески оберегала права привилегированного слоя на «счастливую и зажиточную жизнь».

И вдруг расстрел Зиновьева и Каменева, а за ним и вся серия кровавых расправ с головкой Октябрьской революции, а потом и с аппаратом, укрепившимся за время осуществления генеральной линии, обнаружили скрытые в недрах молодого общества социальные конфликты. Разгрому неизбежно должна была подвергнуться и литература. На несколько месяцев вся она оказалась выбитой из седла, не зная о чем писать.

Эта расправа еще не закончена, переселение литературы в «новый дом» еще не совершилось. Тем не менее, в суматохе «переезда», некоторые писатели все же пытаются разобраться в том, что же, собственно, произошло. На одной из таких попыток — романе молодого писателя М. Эгарта «Маруся Журавлева» — надо остановиться.

Несмотря на обширный человеческий материал, охваченный писателем, его первенец не делает эпохи: роман написан еще на старой литературной квартире. Из своих собственных интересных наблюдений Эгарт не умеет выделить и развить стержневую тему, а только приоткрывает завесу над существом последнего «конфликта героя с эпохой», как он его понимает.

Центральное место в романе занимает Маруся Журавлева. Дочь рабочего, Маруся подростком попадает в комсомол и на фабрику, выдвигается в первую пятилетку, командировается на учебу. Автор искренно привязан к Марусе и по существу она неплохой тип работницы-выдвиженки. Но объективно она не может стать «ведущей фигурой» потому, что она и социально и эмоционально сидит как бы на двух стульях: от рабочей массы она уходит, но и членом партийной бюрократии стать не хочет. Стоит по середине и волнуется. Ее выживание неслучайно связано с разрывом с отцом, старым рабочим-кадровиком. Кадровики рабочие, хотя только намечены автором, очень выпуклы. На фабрике большой популярностью пользуется отчаянная Домаха, приятельница отца Маруси. Старая работница, она снискала уважение «старичков» за то, что ругает за «нашего брата»: «Ты меня не лапай, — говорит она табельщику, обыскивающему ее, — не девка, согнули нашего брата в четыре дуги, и чтоб без угару?». Отец Маруси водит дружбу и с другим «горлопаном», «кадрови-

ком и красногвардейцем» Бабкиным. Тот, чуть-что любил «разоряться» насчет «рабочего класса, которому того не хватает, этого не хватает, и что обносился, дескать, класс без мануфактуры».

Автор, повидимому, согласен с Марусей, что всех этих «горлопанов» давно бы надо убрать с завода (Бабкина, между прочим, действительно увольняют, несмотря на старые заслуги в гражданской войне). Судьба сталкивает Марусю с молодым рабочим Андреем Кудрявцевым. Это способный, аккуратный и тщеславный человек, которого больше всего интересует личный успех и личная карьера. Он быстро выдвигается на учебу, умело справляясь с необходимыми общественными нагрузками и отвоевывая свое место «под солнцем». Это рабочий «американец», который по свидетельству Эгарта является очень распространенным типом рабочего — выдвигенца периода второй пятилетки: «Он укрепился в жизни, он шел вверх, он хотел, чтобы жена составляла часть его жизни». На этом желании и срывается семейная жизнь Андрея и Маруси. Как и героиня повести Нилина «Любимая девушка», Маруся с ребенком уходит от Андрея, пытаясь сочетать учебу с заработком и заботами о дочке.

Во второй раз судьба сталкивает ее с «простым рабочим» Люлько. То, что она, красивая молодая женщина, будущий инженер, соглашается соединить свою жизнь с жизнью «простого рабочего» вызывает всеобщее удивление. Повидимому, эти случаи теперь в советской действительности становятся редкостью.

Впрочем, Люлько, хотя и «простой рабочий» — личность незаурядная. Сын рабочего, он сбежал в годы военного коммунизма из дому и стал беспризорником. Люлько, как и его своеобразный двойник из «интеллигентской прослойки» — молодой врач Климович, это, по мысли автора, те человеческие резервы, которые должна сегодня мобилизовать компартия и привлечь на свою сторону. Оба они, несмотря на свое большое сочувствие к революции — и может быть именно потому — не пошли в комсомол, обоим претит казенное красноречие коммунистических говорунов, оба больны хорошей подозрительностью к пролазам и карьеристам, но оба одиночки.

Люлько интересный тип молодого рабочего. Выбившись из среды беспризорников, поступив на завод, он мог бы, как и Кудрявцев, быть выдвинутым на учебу. Руководясь каким-то неосознанным инстинктом, он отказывается от этого, хотя в свои слабые минуты и жалеет о том, что отказался от билета в рай. Он тип «трудного» человека, от которого всегда можно ждать «сюрпризов». Вот «для смеху» он с другим молодым рабочим провели наблюдение над тем, а сколько, собственно, работает хваленое «руководство завода» и оказалось — «полчаса по часам, а два часа ушло на разговоры, а три без малого — на хождения и писанину, а полтора — на куренье и отдых». Хотя у Люлько больше данных стать героем, чем у Маруси, и он не становится центральной фигурой, потому что и он стоит по середине между рабочей массой и рабочей «знатью», и у него нет сил сделать решительный выбор. А выбор сделать нужно: «Линия фронта запутывается». О том, как запутана эта линия, показано на судьбе директора завода Петра Петровича.

Петр Петрович — «начальство», работа которого и подверглась такому пристальному разглядыванию Люлько (впервые, между прочим, в литературе за весь период генеральной линии). В начале революции Петр Петрович, молодой рабочий поступил в милицию, был

выдвинут потом на хозяйственную работу и уже в первую пятилетку ворочал большими делами в тресте. За эти годы он подучился, обрел осанку, административный опыт и брюшко, в голосе у него появилась характерная для крупных советских сановников этакая «усталая ласковость». Жить бы ему да поживать, да вот попугала нелегкая. Петр Петрович оказывается симпатизировавший той, повидимому, довольно значительной прослойке аппарата, которая стояла за необходимостью уменьшения темпов, за спуск на тормозах: «Он считал, что после подведения победных итогов наступит перелом, передышка. Железная пятилетка закончилась, начинается другая пятилетка, другие темпы, другие методы, и мысли Петра Петровича получают хоть теперь и партийное подтверждение: мы достаточно долго бежали и можем перейти на шаг, можем оглядеться и больше не рубить с плеча. Так возникал — увы, не совсем комичный! — конфликт героя с эпохой: сперва «одышка», потом — «передышка», потом... Но кто мог знать, к какому страшному рубежу придут «герои конфликта».

Из технического бюро завода Петра Петровича похищены чертежи «оборонного значения». Остальное ясно: опять делается «ставка на политику», «на бдительность». Для понимания обстановки борьбы надо знать, что Петр Петрович в сущности разложился еще во время нэпа, это не мешало ему сделать блестящую карьеру в первую пятилетку и, надо полагать, не помешало бы наслаждаться «счастливой и зажиточной жизнью». Сковырнувшись он на том, что смел иметь свое суждение о «других темпах и других методах».

Тема о «бдительности», до которой своими путями дошел Эгарт, является сейчас стержневой темой в литературе (см. «Сыновья» Юрия Германа, «Мама» Н. Москвина, сценарий к фильму по роману Павленко «На Востоке»). В большинстве этих произведений «враги», «диверсанты» и «агенты фашистских разведок» — сплошь халтурное изделие. Зато очень реально вырисовывается вина вчерашнего «героя» — части партийного и хозяйственного аппарата диктатуры, требовавшей смягчения «методов» управления и снижения «темпов». Поколебленная в своих позициях наличием социальных конфликтов в стране бюрократия спешит отмежеваться от своих вчерашних «героев», отказываются от них и писатели.

“DER KAMPF”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

40-летие Бунда

1897—1937 г.

13-го ноября польский Бунд в Варшаве в особую торжественную обстановку справляет 40-летие со дня основания «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Польше, Литве и России», этой славной организации еврейских рабочих, которая под сокращенным именем «Бунд» (Союз) вписала столько блестящих страниц в историю рабочего движения и социализма.

Еврейская социалдемократия — ровесница русской: учредительный съезд Бунда состоялся в 1897 г., первый съезд РСДРП — в 1898 г. Основатели Бунда — Аркадий Кремер, И. Юдинъ-Айзенштадт и др. сыграли огромную роль и в основании РСДРП. И тем не менее, несмотря даже на то, что Бунд как целое с первого момента вошел в РСДРП в качестве органической составной части, Бунд все время жил своей особой внутренней организационной и идейной жизнью, и исторические судьбы его во многом отличаются от судьбы РСДРП.

Конец XIX и начало XX века были для русского и русско-польского еврейства эпохой чрезвычайно бурного развития не только в смысле внешних событий, но и со стороны внутренней эволюции. Еврейские массы в так наз. «черте оседлости» вовлекаются в процесс капиталистического развития и социально дифференцируются. Возникает стихийное движение, сначала стихийное, а потом, под влиянием сознательной социалистической интеллигенции, приобретающее более организованный и классовый характер (штинники, кожевники, текстильные рабочие, вязальщицы, рабочие табачных фабрик и др.). Социальный момент в молодом еврейском рабочем очень быстро сочетается с политическим: то бесправие, под которым «благодествовали» все народы старой России при режиме царского самодержавия, очень быстро окрасило и зарождающуюся еврейскую социалдемократию в ярко-революционный цвет. Но еврейский пролетариат, этот, по выражению Каутского, «парий среди пролетариев», в царской России страдал от тройного гнета: над ним помимо гнета капитализма и ярма самодержавия, тяготел еще и специфический вид угнетения, которого не знали его русские товарищи по классу, — бесправие гражданское и национальное.

Бесчеловечное анти-еврейское законодательство, казавшееся пережитком средневековья, но сейчас, увы, во многих пунктах воскрешенное и даже превзойденное практикой гитлеризма! — превращало еврея в царской России в существо бесправное, даже по сравнению с достаточно уже бесправным подданным православного вероисповедания. Отсутствие права свободного передвижения, даже в пределах губерний «черты оседлости»; бесчисленные ограничения гражданских и иных прав; закрытие для евреев ряда профессий и занятий; крайнее стеснение для них возможности образования и обучения; унижительные административные меры, оскорблявшие человеческое достоинство, — вся тяжелая действительность еврейского бесправия, усугубленная юдофобской практикой продажной администрации и погромной пропагандой, планомерно проводимой сверху в интересах борьбы с «еврейской революцией», — все это накладывало совершенно особый отпечаток и на жизнь еврейских масс, и на возникавшие в их среде социальные и политические течения.

Но этого мало. Осколок древней, еще до-европейской культуры, занесенный в Восточную Европу, в область

между Вислой, Неманом и Днепром в результате тысячелетних странствований, еврейский народ в царской России был не только этнической и языковой группой, жившей своей замкнутой и обособленной традиционной жизнью; не только религиозной общиной, отделенной от коренного населения стеной гетто и тысячелетней взаимной вражды, — но, в обстановке многонационального государства, каким являлись в особенности западные окраины до-революционной России, приобретал все больше характерные черты возрождающейся к новой жизни «не-исторической» нации. Только среди этих характерных черт нации в современном смысле слова не было одной: особой территории.

Это особое состояние без-территориальной и вне-территориальной особи порождало и особое отношение окружающих народов к евреям, как нации. Да и в самом еврейском народе это создавало настроение неуверенности и неопределенности.

Социальная верхушка еврейского народа, в особенности интеллигенция, быстро ассимилировалась с окружающим населением, да и по своим классовым или групповым интересам обнаруживала большое стремление к этой ассимиляции. Но чем шире и глубже шел процесс ассимиляции, тем ярче обнаруживались два факта: во-первых, бессмысленность и бесполезность ассимиляции, как средства стереть различия между евреями и другим населением и тем уничтожить самую основу еврейского вопроса; во-вторых, практическая невыполнимость ассимиляции, поскольку речь шла о массах. Наоборот, чем глубже процесс приобщения к современной европейской культуре проникал в еврейские народные массы, тем менее он мог быть проведен на основе русской или польской культуры и языка. Мало того: он сам способствовал все больше и больше зарождению новой, национальной, еврейской культуры, основанной на том языке («идиш»), на котором говорили и мыслили массы русского еврейства.

Когда к рабочему движению, к новой религии социализма и марксизма примыкали отдельные рабочие-одиночки, они могли проделывать этот процесс в кружках, в которых занятия велись на русском или на польском языке. Еврейские адепты Маркса, Энгельса и Ласалля одновременно «проходили» и Коммунистический Манифест и русскую грамоту. Но когда в движение были вовлечены тысячи средних массовых рабочих, то пропаганда и агитация не могли вестись иначе, чем на том языке, который был их родным. И так как этот язык был языком плебса, черни, и к тому же языком до-капиталистического периода, то он не был приспособлен к выражению более отвлеченных и рафинированных идей, и в нем не было тех слов и терминов, которые нужны для выражения новой, европейской, социалистической культуры. Еврейские пропагандисты и агитаторы, шедшие в еврейские массы с проповедью социализма, должны были поэтому попутно совершенствовать и развивать язык, создавать еврейскую грамматику, еврейскую литературу, еврейскую прессу.

Приобщение еврейских масс к революционному и рабочему движению было связано и не могло не быть связано и с огромным процессом национального пробуждения и национального самоопределения. Еврейские передовые рабочие и интеллигенты были поставлены не только перед проблемами социального преобразования человечества и политической эмансипации России, — в чем они могли идти уже по дороге, проторенной западно-европейским рабочим движением, — но и перед проблемой своего собственного нацио-

нального самоопределения, перед задачей создания собственной, ново-еврейской национальной культуры, что уже являлось всецело их собственной задачей, в которой они должны были проявить свое собственное оригинальное творчество. Вопросы языка, территории, национализма и интернационализма, национальной программы и автономии, формы сотрудничества с другими нациями, — все эти проблемы возникли в еврейских массах в эпоху национального ренессанса 90-х и 900-х годов одновременно с проблемами революционно-социальными и политическими. Не случайно в том же 1897 году, в котором состоялся первый съезд Бунда, произошел и Базельский Сионистический конгресс, и была основана еврейская рабочая пресса в Америке.

**

Уже к моменту своего основания Бунд опирался на несколько тысяч организованных (в кружки и профессиональные кассы) еврейских рабочих (в Вильне, Белостоке, Варшаве и других городах). Но с момента централизации разрозненных кружков и групп развитие еврейской социалдемократии пошло вперед гигантскими шагами. К началу XX столетия Бунд был уже огромной массовой организацией, сумевшей мобилизовать социальную и революционную энергию сотен тысяч еврейских рабочих и бедняков, и проникнуть в самую гущу еврейских городов и бесчисленных местечек «черты». В отличие от других политических организаций, Бунд был для еврейских рабочих, примыкавших к нему, чем то неизмеримо большим, чем просто политической партией. Забитый, трижды бесправный, прижатый еврейский рабочий совершенно преобразился и перерождался, когда попадал в Бунд, эту легендарную организацию, о силе и влиянии которой он имел столь фантастическое представление. Бунд не только научал его видеть мир новыми глазами, не только зажигал его душу огненным пафосом революции и социализма, всеобщего равенства и братства, свободы и равноправия для всех, — но и делал его членом какого-то таинственного, на совершенно новой морали, на совершенно новом социальном фундаменте построенного братства. Между еврейским рабочим, вступающим в Бунд, и его новыми товарищами протягивались какие-то новые узлы солидарности, братской взаимопомощи, высокой жертвенности, морального подема. Для десятков тысяч еврейских рабочих Бунд был школой новых социальных навыков, новых общественных связей, прообразом нового общества, построенного на братстве и солидарности. Нет числа тем еврейским рабочим, — заброшенным ныне волной эмиграции в Северную Америку, в Аргентину, в Южную Африку, — которые до сих пор, спустя 40 или 30 лет, с чувством глубочайшей благодарности и умиления вспоминают о годах молодости, проведенных в Бунде, о той организации, которая «сделала из них человека».

Товарищеская, братская атмосфера, царившая в низовых рабочих организациях Бунда, не могла не отразиться и на его руководстве. В до-революционной России трудно было найти вторую революционную организацию, в которой царил бы такая внутренняя спаянность, такая тесная связь, такой партийный патриотизм, как в старом Бунде. В этой спаянности, в этой прочной организационной связи между массами и руководителями коренилось и одно из основных условий тех поразительных успехов, которых бундовское движение достигало за все время своего существования. Массовые забастовки, проводимые с поразительной организованностью и солидарностью; героические баррикадные бои, неустрашимые боевые дружины и отряды самообороны против погромщиков; с поразительной регулярностью выходящая нелегальная пресса, с за-

видной налаженностью работающий заграничный транспорт, — все эти черты законно поставили Бунд в первые ряды социалистического рабочего движения того времени, на что указал еще Плеханов в своем знаменитом докладе Лондонскому Конгрессу Интернационала.

**

Российская социалдемократия (как с другой стороны и социалдемократия польская) не всегда отдавала себе отчет в том особом состоянии, в котором находилась социалдемократия еврейская, и в тех специфических организационных задачах, которые перед последней объективно стояли. Возможно, что и запальчивая реакция со стороны Бунда на это непонимание еще более обостряла взаимные отношения в определенные моменты. Так или иначе, был период, когда между РСДРП и Бундом произошел временный разрыв (1903-1906 гг.). Но, несмотря на это, несмотря на временные размолвки и разногласия, между Бундом и РСДРП на всем протяжении многолетней совместной борьбы против царизма царил тесная, глубокая и братская солидарность на основе активного сотрудничества и взаимной помощи.

Мировая война и революция разорвали империю Романовых на части. Линия разрыва прошла по «черте оседлости», а стало быть и по территории Бунда. Вместо одного Бунда после войны оказалось три или даже четыре. Но число еврейских рабочих в Литве, Латвии и даже Румынии сравнительно невелико. Бунд в России разделил судьбу российской социалдемократии: большевистская революция его расколола, террористическая диктатура ВКП заставила уйти в подполье ту его часть, которая осталась верна идеям социалдемократии, традициям старого единого Бунда. И лишь в Польше, возрожденной к самостоятельной национальной жизни, еврейское рабочее движение сохранило свой старый массовый характер под старым знаменем Бунда. Так польский Бунд стал ныне наследником и продолжателем старого единого Бунда.

В его лице РСДРП горячо приветствует весь еврейский отряд мирового рабочего движения, вписавший уже столько славных страниц в историю международного социализма!

ЗАГРАНИЦЕЙ

К ГОДОВЩИНЕ МАДРИДСКОЙ ОБОРОНЫ.

Рабочий Социалистический Интернационал отправил нижеследующую телеграмму т. Негрину, председателю Совета Министров Испании и испанской социалистической партии:

В первые дни ноября исполняется годовщина Мадридского чуда, навеки вписавшего в страницы истории имя города-мученика, символа мужества и стойкости на службе делу свободы.

По случаю годовщины славной обороны мы хотим еще раз высказать героическим бойцам и всему народу испанской республики наше благодарное восхищение и нашу братскую солидарность в борьбе против международного фашизма.

Да здравствует свобода в Испании и во всем мире!

За Рабочий Социалистический Интернационал
Де Брукер, председатель. Адлер, секретарь.

СОВЕТ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

После пленума ЦК коммунистической партии и Лилльского конгресса радикалов Национальный Совет французской социалистической партии, заседавший 6-7 ноября в Париже, в свою очередь высказался за сохранение не только Народного Фронта, но и министерства Шотана, в котором этот Фронт находит в настоящее время свое правительственное выражение. Французская партия еще раз санкционировала участие делегированных ею министров в «правительстве Народного Фронта под радикальным руководством», сменив-

шем «правительство Н. Ф. под социалистическим руководством», каким был кабинет Леона Блюма. Из 5335 мандатов, представленных в партийном совете, только 909 (среди революционная левая, группа Марсо Пивера) высказались за немедленный уход социалистов из правительства Шотана; остальные 4426, объединившие центр партии, ее правое крыло и группу «Батая Социалист» (Жиромский), санкционировали дальнейшее пребывание социалистических министров в составе правительства «под радикальным руководством».

На партийном совете не было ни одного выступления, которое не отмечало бы весьма существенного изменения политической «атмосферы», связанного со сменой социалистического руководства радикальным, не критиковало бы различные стороны деятельности министерства Шотана и, особенно, тот опасный уклон, который все больше и больше принимает возглавляемая Жоржем Бонне финансовая и экономическая политика его. И если все-же подавляющее большинство Совета оказалось единодушно в своем решении не разрушать в данный момент существующей правительственной коалиции, то в силу ряда соображений, — правда, не во всех своих частях одинаковых для различных течений партии, объединившихся в голосовании за основную политическую резолюцию.

Более или менее общими для всех этих течений были соображения внешне-политического порядка: опасение вызвать политический кризис как раз тогда, когда международное положение представляется особенно напряженным и опасность войны особенно грозной. С точки зрения внутренне-политической более или менее общим было сознание, что немедленный отзыв социалистических министров означал бы не только правительственный кризис, но и кризис всей системы Народного Фронта. Между тем все были убеждены не только в желательности и даже необходимости, но и в возможности сохранения этой политической формации, так убедительно доказавшей свою плодотворность и в смысле отражения фашистской опасности, и в смысле положительных социальных и демократически-республиканских завоеваний, и никто не хотел отягчать партию ответственностью за разрушение Народного Фронта, свою привязанность к которому широкие народные массы только что еще раз подтвердили голосованием на кантональных выборах и тем особым успехом, который выпал на этих выборах на долю социалистической партии, его вдохновительницы и первой возглавительницы. Но в этих рамках, общих объединившимся течениям, можно было констатировать существенное различие между ними, как в характере аргументации, так и в базирующемся на этой аргументации общем уклоне политической мысли.

Одни — и, надо признать, на этот раз особенно характерной оказалась обстоятельная речь самого Леона Блюма — выдвигали на первый план те чисто практические невыгоды, которые повлек бы за собой уход социалистов из правительства и замена министерства Шотана министерством чисто радикальным или даже министерством так наз. республиканской концентрации, т. е. блока радикалов с более правыми, крупно — капиталистическими республиканскими партиями. «Вся проблема», по словам Блюма, сводится к тому, достаточно ли отчетливо сказывается присутствие социалистов в составе правительства, чтобы придать этому правительству народно-фронтный характер и сделать ощутимой разницу между этим правительством и правительством чисто радикальным. Блюм отвечает на этот вопрос решительным «да» и приводит тому целый ряд доказательств: сохранение в неприкосновенности социального законодательства и, особенно, 40-часовой недели («вопрос, быть может, даже еще более важный, чем вопрос финансовый»); сохранение, — хотя, конечно, и не совсем в прежних формах, — контакта правительства с рабочими организациями; борьба социалистических министров против попыток предпринимателей использовать изменившееся положение в ущерб рабочему классу; недопущение повышения налогов на предметы первой необходимости; обеспечение руководящей роли государства в подлежащем национализации железнодорожном хозяйстве; «дух», вносимый социалистическими министрами в непосредственно им подведомственные отрасли государственного управления; постановку в порядок дня парламента ряда новых реформ, как пенсии престарелым, помощь крестьянам, закон о печати, демократизация колониального управления и т. д.

Нельзя не признать правильности указаний Блюма и силы его аргументации. Но надо все же спросить себя: не говорит ли эта аргументация в своем логическом завершении не столько в пользу политики Народного Фронта, специфические особенности которой никто так блестяще не формулировал теоретически и не демонстрировал в практической правительственной деятельности, как сам Блюм, сколько в пользу того «соучастия», тех вульгарных правительственных коалиций, которые, конечно, всегда имеют известные практические выгоды, но несостоятельность которых с точки зре-

ния более широко понимаемых интересов демократии, рабочего движения и социализма опять-таки никто не доказывал более убедительно, чем Блюм в своих спорах с французскими «партисипансионистами»?

Само собою разумеется, Блюм отнюдь не имел в виду, да, принимая во внимание всю совокупность его взглядов, и не мог иметь в виду доведение этой аргументации до «логического завершения». Но, выдвинув на первый план вопросы непосредственно практического политического порядка, он придал своей речи такое «звучание», которое легко могло привести слушателей к сужению проблемы, к забвению более широких перспектив и к «партисипансионистским» выводам, которых сам Блюм, конечно, не разделяет. В самом деле: если основной политической дилеммой французской действительности, развивающейся в определенном мировом окружении, перестает быть: Народный Фронт или фашизм; если возможна — не как кратковременный переходный этап, а как более или менее длительное и устойчивое политическое явление, — смена «правительства Народного Фронта под радикальным руководством» правительством чисто радикальным или хотя бы консервативным правительством республиканской концентрации, — то тогда исчезают ведь «исключительные обстоятельства», побудившие социалистов полтора года тому назад согласиться, вопреки долготелю традиции партии, на коалицию, которая должна была создать правительство совершенно нового типа («не как другие») именно потому, что она опиралась на Народный Фронт, бывший по идее своей не простым блоком партий и не простой правительственной комбинацией, а, прежде всего, «союзом трудящихся классов» и организацией их непрерывной и активной массовой самодеятельности. И в такой перспективе примирение с положением, создавшимся после вынужденной отставки Блюма, легко может выродиться в примирение партии с постепенным «спуском на тормозах» от Народного Фронта к вульгарной коалиции «левого блока».

Именно в перспективе политического развития Франции, как и мирового развития вообще, и лежит ключ к разрешению вставшей перед французским социализмом проблемы, — такова была руководящая мысль превосходной речи Жиромского. Для Жиромского основные линии развития остаются такими-же, какими они были в момент создания Народного Фронта. Во Франции попрежнему сохраняет всю свою силу дилемма: Народный Фронт, как утверждение демократии, все больше окрашивающейся в социалистические цвета, или фашизм. И мир попрежнему все больше и больше распадается на два «идеологических блока», которые, хотим мы того или нет, приходится «так же признать, как факт, как признаем мы, как факт, классовую борьбу». С точки зрения Жиромского имеются поэтому все основания не только ожидать возрождения подлинного Народного Фронта, но и активно подготавливать это возрождение. Жиромский отказывается замкнуться в антитезу: уход из правительства Шотана или безоговорочное пребывание в нем. Он считает, что пребывание социалистов в «правительстве Н. Ф. под радикальным руководством» и самое дольное отношение к этому правительству не лишают социалистическую партию права, подобно всем другим партиям Н. Ф., бороться за торжество своей политической концепции в рамках этого фронта и, не снимая с нее обязанности, мобилизуя, в тесной связи с СЖТ и другими демократическими организациями, массы, создавать «атмосферу, благоприятную для образования подлинного правительства Народного Фронта», или, как говорит добавление, предложенное Жиромским к принятой резолюции, «правительства, которое бы более точно отражало соотношение сил в мире труда».

Насколько можно судить по опубликованному отчетам и по тексту принятой резолюции, позволительно придти к заключению, подкрепляемому и непосредственными впечатлениями, что на этот раз именно Жиромский явился выразителем настроений большинства делегатов. И если из 4426 мандатов, голосовавших за резолюцию, лишь 978 высказались и за предложенное Жиромским дополнение, то объяснения тому приходится искать скорее в той форме, в какую он его облел и какая казалась большинству голосовавших в данных условиях мало «тактичной», чем в существе его мысли.

Принятая резолюция гласит:

«Н. С. констатирует, что победа социалистической партии на кантональных выборах, выразившаяся в выигрыше 155 мест, засвидетельствовала народное удовлетворение реформаторской и миротворческой работой правительства под социалистическим руководством;

«заявляет о своей непоколебимой верности программе и политике Народного Фронта;

«ожидает дальнейшего проведения в жизнь Марсельской резолюции;

«настаивает на необходимости реализовать новые реформы (пенсии престарелым работникам, страхование сельского

хозяйства от стихийных бедствий, национальный фонд помощи безработным) и распространить блага помощи много-семейным и на мелких сельских хозяев, но подчеркивает, что нельзя требовать этих мер, отказывая одновременно в средствах для их осуществления;

«выражает надежду, что все организации, примыкающие к Н. Ф., убедятся в необходимости идти и к таким реформам, как контроль над кредитом, национализация страхования и производственных монополий, перечисленных в Марсельской резолюции».

«Н. С. заявляет, что социалистическая партия не допустит покушения на 40-часовую неделю и другие социальные законы, завоеванные Н. Ф., и не согласится соучаствовать в политике, которая означала бы возврат к методам дефляции и привела бы к понижению покупательной способности масс, обрекая тем самым на обнищание и средние классы».

«Н. С. рассчитывает, что товарищи, делегированные в правительство, будут добиваться осуществления намеченной выше политики, которая даст Н. Ф. возможность пережить новый подъем, ожидаемый страной».

Продолжая свою пропаганду, социалистическая партия делает все, чтобы подготовить этот подъем и усилить его размах».

Н. С. подтвердил Марсельскую резолюцию об Испании и принял ряд резолюций по колониальному и другим вопросам. Недостаток места не позволяет нам остановиться на них. Совершенно обойден молчанием был вопрос об единстве, несмотря на письмо, с которым коммунисты обратились к Совету. В этом факте приходится видеть печальное доказательство того губительного влияния, которое оказывает на общественное мнение рабочего социализма сталинская политика — и теми кровавыми расправами, которые она творит в Советском Союзе, и теми, более чем подозрительными, «маневрами», к которым она все больше и больше принуждает своих ставленников в других странах...

Ф. Д.

ПО РОССИИ

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ.

12-го октября был «большой день» в Советском Союзе. После многомесячной подготовки в тайниках партийных и советских канцелярий выборы в Верховный Совет, наконец, назначены.

Состоявшийся 11-12 окт. пленум ЦК «рассмотрел вопросы избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР и принял соответствующие решения» и «кроме того, решение об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР» («Правда» от 13-го октября). Решения эти, увы, не опубликованы, хотя «Правда» в передовой от 20-го октября и вменяет в обязанность «всей советской печати» «изучить отчетливые и ясные директивы о проведении избирательной кампании», выработанные пленумом ЦК. Легко сказать, изучить и, конечно, проводить в жизнь, но в то же время держать в секрете!

А между тем постановления эти действительно невозможно опубликовать. ЦК ВКП действительно вынужден скрывать их, он не может действовать иначе. И всякий должен будет с этим согласиться, познакомившись с содержанием этих постановлений. Конечно, не с текстом. Текст остается секретным. Но если внимательно следить за развитием избирательной кампании, нетрудно реконструировать основное содержание таинственных постановлений октябрьского пленума ЦК.

Основная черта всей избирательной стратегии компартии, разработанной на октябрьском пленуме, — **маскировка**. Маскировка начинается уже с **избирательных комиссий**. Права избирательных комиссий очень значительны; в сущности все избирательное производство находится в их руках. По закону избирательные комиссии «составляются из представителей общественных организаций и обществ трудящихся» и утверждаются высшими правительственными органами СССР, национальных и автономных республик, автономных областей, а участковые избирательные комиссии районными советами депутатов трудящихся. Читатель, может быть, уже обратил внимание на неопределенность цитированного текста закона: комиссии «составляются» из представителей общественных организаций. Кем составляются? В каком порядке? Эта неопределенность неслучайна. И сейчас уже с полной категоричностью можно сказать, что общественные организации играют в процессе образования избирательных комиссий в основном лишь роль ширмы.

В печати появилось немало сообщений о недостатках в работе избирательных комиссий. «Правда» в передовой от

27-го октября откликнулась на эти сообщения и сурово указала «горкомам и райкомам» на их обязанность «**тщательно проверять состав членов участковых избирательных комиссий**: ни одного политически сомнительного, запятанного человека нельзя оставить в составе избирательных комиссий. Такова директива партии, такова воля народа». Но в обширной главе положения о выборах, посвященной избирательным комиссиям, о горкомах, райкомах, как и вообще о компартии, не упоминается ни одним словом (если не считать, конечно, общего упоминания об «общественных организациях»). Нужды нет, в действительности парткомы в закулисном порядке **производят отбор** «организаций», из «представителей» которых составляются избирательные комиссии, и через парторганы в этих организациях назначают этих «представителей». Началось это уже с Центральной Избирательной Комиссии, состав которой был объявлен одновременно с сообщением о назначении дня выборов. В Центральную Комиссию вошли представители 15 «организаций», в том числе 2 представителя колхозов и 2 представителя рабочих и служащих заводов. Но «представительство» их в Комиссии осуществлено в порядке чистого назначения.

Стоит на минуту остановиться на личном составе Центральной Избирательной Комиссии. Председатель ее **Москатов**, новый — с мая — секретарь ВЦСПС, заместитель председателя **О. Ю. Шмидт** от профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, секретарь **Маленков**, представитель профсоюза работников политико-просветительных учреждений. Весь президиум Комиссии состоит таким образом из представителей профсоюзов. Куда уж дальше! Но при бесцветности Москатова и явно фигурирующем в роли чеховского свадебного генерала Шмидте все нити в Центральной Избирательной Комиссии сосредоточены в руках ее секретаря, который скромно прикрылся именем профсоюза, а в действительности является — о чем, конечно, не сообщается и что известно, к счастью, лишь немногим — **заведующим отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП**. Профсоюзный президиум является таким образом лишь прикрытием, и Центральная Избирательная Комиссия оказывается под верным руководством достойного ученика Ежова.

Но как ни важен вопрос об избирательных комиссиях, он все же отступает на задний план перед основным вопросом избирательной кампании — вопросом о **кандидатах** и об **избирательной борьбе**. Как создать подобие избирательной борьбы в условиях строгой политической монополии компартии? Над этим вопросом в Политбюро долго ломали себе голову. Одно время, казалось, решение было найдено. В известной беседе **Сталина** с американским журналистом **Рой-Говардом** (1-го марта 1936 г.) Сталин на прямой поставленный ему вопрос о будущей избирательной кампании ответил:

«...Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая может быть в этих условиях избирательная борьба. Очевидно избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные беспартийные общественные организации. А таких у нас сотни...» («Правда» от 6-го марта 1936 г.).

Итак, всемогущий диктатор категорически заявил, что на будущих выборах развернется действительная избирательная борьба, в которой коммунистические кандидаты будут конкурировать с беспартийными кандидатами общественных организаций. Но в Политбюро скоро сообразили — для этого, право, не нужно было большого ума, — какую это таит грозную опасность для компартии. Для террористической партийной диктатуры даже тень действительной избирательной борьбы является угрозой. И всемогущий диктатор должен был дезавуировать свое собственное недавнее «либеральное» заявление, дезавуировать на практике, молчаливо, в надежде, что мартовское заявление 1936 г. несколько изгладилось из памяти людей, и что противоречие между ним и практикой конца 1937 г. может быть, останется незамеченным.

При выработке избирательного закона план будущей избирательной кампании — **избирательной кампании без избирательной борьбы** — уже в основных чертах был несомненно готов. Только этим и объясняется кажущаяся смелость авторов избирательного закона, значительно расширивших по сравнению с текстом Конституции **право выставления кандидатов** на выборах. По конституции (ст. 141) право это «обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами». Носит ли этот список исчерпывающий или только примерный характер? Избирательный закон определенно становится на последнюю, более либеральную точку зрения, добавляя к приведенному перечню: «и другими организациями, зарегистрированными в установленном законом порядке» (ст. 56). Но

что еще гораздо важнее, к общественным организациям в отношении права выставления кандидатов на выборах приравнены «общие собрания рабочих и служащих по предприятиям, красноармейцев по воинским частям, а также общие собрания крестьян по колхозам, рабочих и служащих совхозов по совхозам» (ст. 57).

Эти постановления при определенных условиях могли бы действительно явиться исходной точкой демократизации режима, постепенного разоружения диктатуры. В обстановке избирательной кампании 1937 года они имеют совсем иной смысл, и это очень ярко обнаружилось уже с первых шагов избирательной кампании.

Как раз тот порядок выдвижения кандидатов, который даже не предусмотрен Конституцией и впервые введен Положением о выборах, стал сейчас общим правилом. «Коммунистические партийные организации, профсоюзы, кооперативы, организации молодежи, культурные общества» своим правом выдвижения кандидатов за редчайшими исключениями вообще не воспользовались, причем компартия и комсомол не воспользовались этим правом буквально ни разу. Основная идея плана избирательной кампании, как он разработан октябрьским пленумом ЦК, сводится к имитации «народных» выборов, во время которых компартия держит все в своих руках, но внешне как будто скромно отходит в тень.

Кое-где на местах недостаточно искусственное местное начальство, еще не осведомленное о секретных постановлениях октябрьского пленума ЦК, не сумело сразу ориентироваться в новой обстановке компартии. Но «Правда» быстро поставила все на свое место. В передовой «Правды» от 20-го октября мы читаем:

«Некоторые газеты избирают линию партии, пропагандируют на своих страницах тезис о выдвижении кандидатур отдельно коммунистическими организациями. Подобные лозунги нашли место в газетах «Советская Белоруссия», ивановском «Рабочем крае», шатурской, михневской, палкинской и некоторых других районных газетах.

Нечего и говорить, что лозунг выдвижения коммунистическими организациями отдельно от беспартийных кандидатов противоречит линии ЦК партии и способен принести огромный вред. Отдельное от беспартийных выступление коммунистических организаций со своими кандидатами только оттолкнуло и отделило бы беспартийных от коммунистов, побудило их к выставлению конкурирующих кандидатов и разбило бы голоса, что на руку только врагам трудящихся».

Партийные коммунистические кандидатуры, что и говорить, это плохо. Но кое-где, оказывается, избирательную кампанию приняли настолько всерьез, что «самочинно» заговорили уже и о беспартийных кандидатурах. Это уже совсем катастрофа. И «Правда» спешит навести порядок:

«...В Ростовской области ОблТАСС еще в начале октября разослал, а часть районных газет напечатала статью, в которой уже «слышится горячие разговоры о том, кого колхозники выдвинут своим кандидатом на выборах». В той же статье называлась даже фамилия желательного ОблТАСС депутата («желательного ОблТАСС» это очевидно «ретушировка» испуганного до смерти передовика «Правды»; речь повидимому, идет о кандидате, называвшемся во время «горячих разговоров» колхозников. — С. Ш.). ОблТАСС забыл об основном, что выдвижение кандидатов производится от лица собраний рабочих и служащих по заводам и совхозам и собраний крестьян по колхозам и селам, включая единоличников (села и единоличники — это уже дополнение к ст. 57 Положения о выборах. — С. Ш.). ОблТАСС забыл, что самочинное «выдвижение» или рекламирование газетами кандидатов, нигде не обсуждавшихся, никем не принятых, подменяет волю собраний рабочих, крестьян, интеллигенции и может принести только вред».

Словом, никакой «самочинности» и пока вообще не спешить с выдвижением кандидатов. «На нынешнем этапе основное — это подбор, составление избирательных комиссий». С «вредной тенденцией перескочить через этот этап» нужно решительно бороться.

В тот самый день, когда «Правда» так одергивала провинциальных работников, в Москве и Ленинграде наступил уже новый «этап» избирательной кампании. В этот день в трех (из 13) округах в Москве и в трех же (из 11) в Ленинграде состоялись собрания на заводах, на которых были выдвинуты первые кандидатуры в Союзный Совет: Сталин, Молотов и Пичугина в Москве и Калинин, Ворошилов и Сметанин в Ленинграде. Интересна инсценировка этих первых собраний избирателей, ставшая образцом.

В собрании всюду берет вначале слово какой-либо беспартийный «старый рабочий» и предлагает, как будто по собственной инициативе, определенного кандидата. Но удивительная вещь, того же самого кандидата и опять, конечно, по собственной инициативе предлагают в то же самое время на ряде других собраний того же округа. Случается, что инициативный беспартийный несколько перебарщивает с подчеркиванием своей инициативы: «Я, как и все вы, долго думал, кого нам выдвинуть кандидатом в депутаты Совета Союза. И решил: Пичугину надо отстаивать, председателя Таганского райсовета». С такой речью выступил из завода «Динамо» инициативный беспартийный («Правда» от 21-го октября). Иногда это звучит наивно: «Слушайте меня, я скажу, кого надо выбирать. Я предлагаю выдвинуть от нашего коллектива и т. д.» («Правда» от 25-го октября). Иногда инициатор немного сбивается с роли и не предлагает, а «поддерживает» формально только им впервые названную кандидатуру (завод «Серп и Молот» в Москве, «Правда» от 21-го октября). Но в общем все идет как по маслу. После инициатора выступают несколько других ораторов; все высказываются в пользу названного кандидата; в конце собрания выступают секретари заводского парткома и местной комсомольской организации и даже не от себя лично, а от имени своих организаций «поддерживают» выдвинутую беспартийным рабочим (это обычно подчеркивается) кандидатуру. И никто, конечно, не спросит, а когда собственно партийная и комсомольская организации успели обсудить только сейчас выдвинутую кандидатуру.

Собрание заканчивается избранием делегатов на предвыборное окружное совещание, где в сущности полностью повторяется та же картина. Правда, после опыта первых дней в избирательную инсценировку было внесено небольшое изменение, приведшее к тому, что предвыборное окружное совещание имеет дело уже не с одним, а с несколькими кандидатами. Теперь на собраниях избирателей выдвигается уже не один и тот же на весь округ кандидат, а несколько: в одних предприятиях Сталин, в других — Молотов и т. д. и где-либо тот действительный кандидат, который должен остаться в последнем счете кандидатом по округу. На всех первичных избирательных собраниях выдвинутые кандидатуры принимаются единогласно. Делегаты каждого предприятия выдвигают затем эти кандидатуры на предвыборном окружном совещании, которое в свою очередь принимает их всех единогласно.

Предвыборное окружное совещание заканчивается избранием «доверенных», в большинстве беспартийных (это всегда подчеркивается), которым поручается «предвыборная агитация на избирательных участках» («Правда» от 23-го октября). Это решающий момент. «Доверенные» окружного совещания это и есть тот орган, который будет проводить избирательную кампанию. Компартия сама, от своего имени никакой кампании не ведет. «Правда» в передовой от 28-го октября настойчиво разъясняет это местным партийным организациям и следующим образом формулирует их «задачи в избирательной кампании»:

«На ответственности райкомов лежит подбор доверенных лиц на участки — людей, на которых возлагается агитационная работа по проведению намеченного кандидата в депутаты (речь идет не о доверенных райкома, а о доверенных предвыборного окружного совещания. — С. Ш.). На первичные партийные организации на заводах, в колхозах и т. д. возлагается обязанность подобрать в помощь участковому доверенному лицу актив, как из числа коммунистов, так и беспартийных».

Картина «всенародных» выборов закончена: нет компартии, нет избирательной борьбы, всюду полное единогласие, «беспартийность», «народность», всеобщая любовь к гениальному «вождю». Плебисцитарный характер выборов прет из всех щелей.

Выборы эти не только выборы без избирательной борьбы, но и без тени избирательной платформы. На избирательных собраниях говорят о чем угодно: о том, как плохо жилось в старину, и каких мы достигли замечательных успехов, но ни на избирательных собраниях, ни в печати нигде не найти и намека на то, что же должны делать будущие депутаты, Верховного Совета, какие они должны себе ставить цели, какие пред ними, как будущими законодателями, встают задачи. Выборы в Верховный Совет сознательно организуются как манифестация верности Сталину, организованная манифестация, исход которой заранее должен быть обеспечен, независимо от действительной воли избирателей.

С. Ш.